

Odesskaja, Margarita Moisejevna

"Записки охотника" И.С. Тургенева : проблема жанра

In: *Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2000, pp. [195]-205

ISBN 8021023007

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/132489>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

«ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И. С. ТУРГЕНЕВА: ПРОБЛЕМА ЖАНРА

Маргарита Одесская (Москва)

Подзаголовок «Из записок охотника» к рассказу Тургенева «Хорь и Калиныч» (1847) дал И. И. Панаев, дабы, как вспоминает сам писатель («Встречи мои с Белинским»), «расположить читателя к снисхождению»¹. Подзаголовок определил судьбу будущего знаменитого цикла. И хотя в первом рассказе, опубликованном в отделе «Смесь» журнала «Современника», как и в последующих рассказах с тем же подзаголовком, выходящих в том же журнале, собственно охоте уделялось весьма мало внимания (чаще всего это зачины, служащие мотивировкой для рассказа, или же отступления в виде беседы с читателем), Тургенев в 1852 году издал книгу, объединившую все эти произведения, под названием «Записки охотника». Случайно ли это название?

С момента выхода в свет первых рассказов Тургенева с подзаголовком «Из записок охотника» в русской критике и литературоведении определились две тенденции в восприятии произведений этого цикла. В. Г. Белинский, высоко оценивший рассказы молодого литератора за то, «что автор зашел к народу с такой стороны, с какой к нему еще никто не заходил»,² надолго закрепил за книгой славу произведения антикрепостнической направленности. С другой стороны, близкие друзья Тургенева, сторонники «чистого искусства», П. В. Анненский, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, а также писатель И. А. Гончаров не нашли в «Записках охотника» той идеологической тенденциозности, которую усматривали и акцентировали демократы (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин). Оставив в стороне социальный аспект, они сосредоточили свое внимание на эстетическом, указывали на связь рассказов Тургенева со «счастливейшим родом произведений» охотничьими рассказами.³

¹ И. С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 30 томах. Соч. Т. 2. М. 1983. Здесь и далее цитируется по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках, в тексте статьи.

² В. Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847г. Статья вторая // Собр. соч. в 9 томах. Т. 8. М. 1982. С. 400.

³ А. В. Дружинин. Письма ниюгородного подписчика о русской журналистике (март 1851) // А. В. Дружинин. Собр. соч. СПб. 1865. Т. 4. С. 539

Несомненно, книга Тургенева представляет единое целое. Но чем держится это единство? Размышляя над тем, как, казалось бы, случайный подзаголовок, данный Панаевым к первому рассказу будущего цикла, сделался названием всей книги, М. П. Алексеев восстанавливает связь с охотничьими очерками, популярными в Англии в 20–40-е годы XIX века.⁴ «Популярность его (охотничьего очерка – М. О.) в России засвидетельствована специальной обзорной статьей об английских охотничьих очерках, появившихся в «С-Петербургском английском обозрении» 1842 г. Вероятно, именно на очерки этого рода, бесхитростные и неприязательные, Панаев и хотел ориентировать будущих читателей «Записок охотника»: так, очевидно, и следует понимать разъяснение Тургенева о заглавии цикла, которое будто бы придумано было Панаевым «с целью расположить к снисхождению».⁵ Итак, ассоциации и аналогии, которые возникали в связи с тургеневскими рассказами будущего цикла и были естественны для его современников, постепенно не просто забылись, а сделались даже чем-то принижающим достоинства шедевра.

Какова же судьба охотничьего рассказа в России? В начале XIX века, хотя охота и занимала существенное место в жизни дворянства, в художественной литературе была отражена лишь фрагментарно. Литературным фактом охотничьи рассказы стали позднее, в 40-е годы, когда «из мелочей литературы, из ее задворков и низин начало «всплывать в центр новое явление»⁶, в нашем случае, когда цеховая замкнутость специальных охотничьих журналов и альманахов была поколеблена; прагматические статьи о породах собак и лошадей, видах ружей стали разбавляться небольшими лирическими зарисовками пейзажей, этнографическими заметками, связанными не только с описанием ландшафтов, пригодных для охоты, но и очерками характеров. Менялась и стилистика повествования: в сухой, деловой язык руководств начинает проникать непринужденная интонация беседы с читателем, лирические отступления, острые журнальные наблюдения, подчас ирония, психологические детали в характеристиках сосуществуют наравне с сугубо практическими замечаниями.

В 40-е годы охотничья литература «наводнила» не только специальные журналы – «Лесной журнал», «Журнал коннозаводства и охоты», «Иллюстрации», – переводы с английского и французского правоописательных сцен из загородной сельской жизни помещали и ли-

⁴ М. П. Алексеев. Заглавие «Записки охотника» // Тургеневский сборник. М–Л. 1969. Т. V. С. 215.

⁵ М. П. Алексеев, там же.

⁶ Ю. П. Тынянов. Литературный факт; О литературной эволюции // В его книге: Поэтика. История литературы. Кино. М. 1977. С. 257–258

тературно-публицистические журналы такие, как «Русский инвалид», «Библиотека для чтения», «Москвитянин». На охотничью литературу откликнулись крупные писатели, с ней спорили (А. С. Хомяков), ее пародировали («Псовая охота» Н. А. Некрасова – отклик на сочинение стремянного государева А. М. Венцеславского «О псовой охоте» и трактат Н. Реутта «Псовая охота»⁷).

В 40–50-е годы XIX века, когда оппозиция столица – провинция становится в России не только географической, экономической категорией, но и категорией духовной⁸, наряду с формировавшейся городской литературой (в этом смысле показательны физиологии, обнажавшие жизнь «петербургских углов», с фотографической точностью выявлявшие социальные контрасты), складывалась и дворянская усадебная литература, культивировавшая естественность, близость к природе, идеализировавшая крестьянина, исконно связанного с землей и воплотившего природное начало. Цивилизация, а также принадлежность к господствующему сословию все более отдаляли дворянина от природы. Охота в этой связи, имитирующая и поле брани, и сценическую площадку, была для дворянина не просто игрой, дававшей выход естественным страстям, но, освобождая от сословных предрассудков и условностей (ибо в поединке со зверем равны крестьянин-егерь и барин-охотник⁹), ставила лицом к лицу с природой, возвращая к первоначальному ощущению целостности мира. Охотничья страсть, поэзия, красота гармонично сосуществовали в сознании охотника. «Благо, чувство к красоте не иссякло, – писал Тургенев И. Борисову 28 января 1865 года, – благо, можешь еще порадоваться ей, всплакнуть над стихом, над мелодией... А тут охота, страсть, горячая, сильная, неистомимая...» (П. 6,98) Или же в письме А. Фету, своему спутнику по охоте, Тургенев признавался: (18 июня 1859г.) «Часто думаю я о России, о русских друзьях, о Вас, о наших прошлогодних поездках, о наших спорах. Что-то Вы поделяваете? /.../ А муза? А Шекспир? А охота?» (П. 4,56) Как видим, муза, Шекспир и охота стоят в одном ряду.

Охота для Тургенева и его современников была естественной склонностью натуры, дававшей пищу для ума, наблюдений. Из воспоминаний О. В. Аргамаковой узнаем, что «когда Иван Сергеевич приезжал на каникулы к матери, то старался всячески убежать из дому на охоту, всех родов, служившую для него не столько развлечением, сколько средством для близкого зна-

7 Подробнее см. мою статью: Ружье и лира (Охотничий рассказ в русской литературе XIX века)// Вопросы литературы. 1998. Вып. 3. С. 239–252.

8 А. И. Журавлева. А. П. Островский-комедиограф. М. 1981. С. 42.

9 Это хорошо показано Толстым в известной сцене охоты в «Войне и мире».

комства с народным бытом, изучение которого в то время считалось неблагоприятным.»¹⁰ А вот дружеский шарж И. И. Панаева на Тургенева-охотника, помещенный в «Современнике», в «Литературном маскараде» накануне нового 1852 года:

«/.../ Он большой чудак /.../, он скитается вечно в охотничьем платье, беспрестанно останавливается на пути своем и смотрит кругом по сторонам или вверх. /.../ Мой охотник никогда не стреляет: его английская желто-пегая собака Дианка печально следует за ним без всякого дела, виляя хвостом и уныло моргая усталыми глазами, а хозяин ее постоянно возвращается домой с пустым ягдташем. Он следит не за полетом птицы для того, чтобы ловчее подстрелить ее, а за этими золотисто-серыми с белыми краями облаками, которые разбросаны в небе, точно в бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы; он прислушивается не к шелесту листьев в кустарнике, боясь спугнуть птицу, не к крику перепелов, а к этой торжественной тишине приближающейся ночи: он смотрит на эти бесконечно тянущиеся поля, которые текут во мгле, на стальные отблески воды, изредка и смутно мерцающей... Ничто в природе не ускользнет от его верного поэтического и пытливого взгляда, и птицы спокойно, ласково и безбоязненно летают вокруг этого странного охотника, как будто напрашиваясь попасть в его «Записки».¹¹

Однако Тургенев был не только созерцателем-поэтом, каким его рисует Панаев, он был также и увлеченным охотником. В переписке Тургенева с Аксаковым, Фетом, молодым Толстым, Некрасовым замечания о литературе перемежаются с чисто охотничьими заботами, подробнейшими описаниями трофеев. Охота для Тургенева, как и для многих его друзей-единомышленников, была занятием естественным, не противоречащим нравственным законам, ибо она давала возможность не отстраненно взирать на красоту природы, а участвовать в ее жизни, ощущая себя частицей великого целого.

В 40–60-е годы можно констатировать большой интерес в России к естественнонаучным знаниям. Увлечения русских писателей естественнонаучными теориями, а также натурфилософскими идеями просветителей XVIII века связаны с желанием разобраться в сущности и закономерностях явлений природы. Так, Толстой изучал работы современных ему ученых в области физики и химии – Гиндаля, Фарадая, Джоуля – и признавал материальность мира и взаимообусловлен-

¹⁰ О. В. Аргамакова. Семейство Тургеневы. // Исторический вестник. 1884. 15. С. 336. Цит. по: Т. И. Орнатская. Фольклористические интересы Тургенева. // Тургеневский сборник. Т. IV. С. 241. Выделено мной – М. О.

¹¹ И. И. Панаев. Указанная статья. // Современник. 1852. I, отд. VI. «Смесь». С. 153–173.

ность явлений природы.¹² Naturфилософские и эстетические взгляды Толстого формировались под воздействием идей Руссо, Гердера.

Сочинения французского естествоиспытателя и писателя XVIII века Жоржа Луи Леклера де Бюффона (1707–1788) были популярны не только в Европе, но и в России, некоторые из его произведений были переведены на русский язык, широкой известностью пользовалась его «Histoire naturelle» на французском языке. Особенность трудов Бюффона состояла в том, что он отошел от традиционной методики описания наружного вида животных и сосредоточил свое внимание на изучении их нравов; строго научному стилю описания Бюффон противопоставил живой, возвышенный, полный изящества и остроумия язык, что вызвало всеобщий восторг и принесло ему мировую известность. Свои наблюдения над характерами животных, их физиологией, а также факты из различных отраслей естествознания Бюффон объединил в философскую систему, объясняющую явления природы.¹³

Признавая Бога творцом и законодателем мира, Бюффон в духе деизма мыслил природу как самостоятельную субстанцию, развивающуюся по собственным законам, однако законам вечным, неизменным, ограниченным всем содержанием ее бытия. Природа воспринималась Бюффоном как некое созидательное, творческое начало, в ней самой он видел источник развития. По мнению Бюффона, все существа, которые создает природа, для нее самой одинаково равны, она не отдает предпочтения одним в ущерб другим: «Если взять все организмы вообще, то в целом количество жизни всегда то же».¹⁴ И если в «века изобилия» преобладает численность человечества и домашних животных, то после войны, например, людское население убывает, зато возрастает количество диких зверей, нивы зарастают бурьяном. «Эти вариации, столь существенные для человека, безразличны для природы; шелковичный червь, столь драгоценный для человека, для нее лишь гусеница тутового шелкопряда»¹⁵. Утверждая равенство всех организмов, созданных природой, Бюффон считает, что рождение и смерть – это две сути одного и того же явления – бытия. Показывая

¹² Об этом свидетельствуют записи в дневниках и письмах Л. Н. Толстого. См. Т. С. Сотникова. Концепция природы в мировоззрении и художественном творчестве Л. Н. Толстого. // Филология. МГУ. 1974. С. 75–82.

¹³ См. Бюффон // Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М. 1992. Т. 2. С. 792–793.

¹⁴ Piveteau J. La pensee religieuse de Buffon. In: «Buffon». Edite par le Museum National d'histoire naturelle. Paris, 1952. p. 358. Цитируется по: И. И. Канаев. Жорж Луи Леклер де Бюффон. Гл. 3. «О природе». М-Л. 1966. С. 43.

¹⁵ Piveteau, p. 37

их взаимообусловленность, он приходит к выводу о естественности и закономерности уничтожения одних живых существ другими: растений животными, одних животных другими, в том числе человеком: «в порядке вещей, что смерть служит жизни, что воспроизведение рождается из разрушения».¹⁶

Идеи Бюффона о единстве мира, о созидательном характере природы, о самоценности каждой отдельной особи и их единстве, о закономерности взаимодействия смерти и рождения, созвучные мыслям немецкого естествоиспытателя и поэта Гете¹⁷, были хорошо известны Тургеневу и нашли отклик в его творчестве. Еще в 1840–41(?) году молодой литератор высказал свои пантеистические воззрения в письме немецкой писательнице Беттине Арним, тоже разделявшей идеи Гете. Тургенев писал: «Природа – единое чудо и целый мир чудес: таким же должен быть каждый человек – таков он и есть; и что он именно таков, открыли нам великие люди всех времен. Разве напрасно мы люди? Разе напрасно все духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется «Я»? Чем была бы природа без нас, – чем были бы мы без природы?»(П. 1,352)

Осознание себя наравне с другими живыми существами, такими же произведениями природы, давало охотнику право вступать в поединок с себе подобными. Развивая идеи Бюффона и Гете об исключительности и одновременно взаимозависимости всех особей, Тургенев в рецензии на книгу Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» писал: «Бесспорно, вся она составляет одно великое, стройное целое – каждая точка в ней соединена со всеми другими, – но стремление ее в то же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной, обращала бы все окружающее себе в пользу, отрицала бы его независимость, завладела бы им как своим достоянием. Для комара, который сосет вашу кровь, – вы пища, и он так же спокойно и беззазорно пользуется вами, как паук, которому он попался в сети, им самим, как корень, роющийся во тьме, земляною влагой» (4,516). В художественной форме Тургенев выразил идею равенства всех живых творений природы в «Поездке в Полесье» (в 1860 году рассказ был включен издателем Н. А. Основским в издание «Записок охотника»); в стихотворении в прозе «Природа»(1879): «Все твари – мои дети», – промолвила она, и я одинаково о них забочусь и одинаково их истребляю. Я тебе дала жизнь – я ее отниму и дам другим, червям или людям ... мне все равно...»(10,164).

¹⁶ Ibid, p. 366.

¹⁷ Мы имеем в виду его трактат «Природа»

В книге С. Т. Аксакова Тургенева привлекает то, что автор художественно изобразил нравы, характеры зверей и птиц. Тургенев сравнивает Аксакова с Бюффеном. «Когда я прочел, например, статью о тетереве, мне, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... /.../ Если б тетерев мог рассказать о себе, он бы, я в этом уверен, ни слова не прибавил бы к тому, что поведал нам г-н А-в. То же самое должно сказать о гусе, утке, вальдшнепе, – словом, обо всех птичьих породах, с которыми он нас знакомит».(4,518)

Итак, в середине XIX века взаимоотношения человека и природы – одна из ведущих тем дворянской усадебной литературы – наполняется новым, по сравнению с романтизмом, содержанием. Законы природы едины для всех живых существ, показывает Аксаков в своей книге, и поведение птиц в определенных жизненных ситуациях сходно с поведением людей: любовь, ревность, войны происходят и в среде наших меньших братьев.

Хотя Тургенев ставит в заслугу Аксакову то, что его книга «свястана с жизнью», и это «принесет ей успех у естествоиспытателей», и противопоставляет «живое наблюдение и изучение природы» составлению «тех иногда поэтических и глубоких, но почти всегда темных и неопределенных гипотез, которыми Шеллинг вскружил голову в начале нашего столетия» (4,519), все же у самого Тургенева никогда не встречаются столь физиологически точные и натуралистически яркие описания природы. Пантеизм Тургенева в этом смысле близок тютчевскому растворению личности в мировом единстве. Для обоих поэтов человек – «мыслящий тростник». Равнодушие природы и одинокое человеческое «Я» – этот мотив с такой силой прозвучавший в «Поездке в Полесье» оставался едва ли не ведущим на протяжении всего творчества Тургенева.

Тургенева и Аксакова сближало то, что охота была для них возможностью изучать родную землю, проникать в тайны природы. Именно ружейная охота, не соколиная, не псовая располагала одинокого странствующего по лесам и болотам охотника к созерцательности, к единению с природой, к философскому отношению к ней. «Скверной действительности не поправишь, думая об ней беспрестанно, а только захвораешь, и я забываюсь, уходя в вечно спокойный мир природы», – писал С. Т. Аксаков сыну Ивану.¹⁸ Однако в книге Аксакова этнографизм, естественнонаучный подход, практическая ориентация, которая выражена и в названии (точное указание места охоты), и в рассуждениях о сугубо охотничьих предметах, преобладают над

¹⁸ Письмо сыну Ивану от 12 окт. 1849 – ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, л. 16, л. 70 об. Цит. по: В. А. Кошелев. Аксаков С. Т. // Библиографический словарь. Русские писатели. М. 1989. Т. 1. С. 37.

художественностью. И хотя Гоголь, прочитав «Записки» Аксакова, пожелал, чтобы его души были так же живы, как птицы Аксакова¹⁹, все же лишь с появлением «Записок охотника» Тургенева (книга вышла почти одновременно с аксаковской) литературный охотничий рассказ освободился от того, что интересно только специалисту. Тургенев раздвинул сюжетную и жанровую замкнутость повествования. В своей книге он переставил акценты, направив читательское внимание на человека, выдвинул на первый план нравственный, социальный, эстетический аспекты: специальное заменил универсальным, «охотничье», этнографическое – общечеловеческим, художественным. Тургенев показал, что в поле зрения охотника могут быть различные темы.

Рассказ «Хорь и Калиныч» (1847), который первый получил подзаголовок, как уже отмечалось, не по инициативе автора, а по воле редактора, чтобы «подкупить» читателя полезностью, ибо подобная литература имела спрос, явился импульсом для создания целого цикла. Если рассматривать этот рассказ как отдельное, самостоятельное произведение вне связи со всем циклом, то его трудно причислить к охотничьей литературе: охота в нем служит лишь поводом для развертывания повествования. В центре повествования, как известно, характеристики двух типов русских крестьян – рационалиста Хоря и романтика Калиныча. Все в этом произведении: и этнографические замечания в начале, и описание деревенского быта, и детальные портреты двух крестьян, построенные по принципу антитезы, и содержание разговоров авторов с Хорем, сводившиеся к «горячей» в то время теме освобождения крепостных, и идеализация писателем-дворянином простолюдинов – позволяло видеть в произведении традиции натуральной школы и сближать его с физиологическими очерками Григоровича и Даля. Пожалуй, и другие рассказы «Записок охотника», за исключением «Льгова» и «Ермолая и мельничихи», если рассматривать как самостоятельные произведения, к охотничьей литературе причислить нельзя. Однако Тургенев, как показывают программы, (первый проект титульного листа «Записок охотника» уже существовал на полях черновика рассказа «Бурмистр», датированного исследователями августом 1847 года), а также предложение Н. А. Некрасова издать «Записки» в задуманной им серии «Библиотека русских романов, повестей, записок и путешествий»²⁰, замыслил создание большого произведения, некоего художественного единства, где названием всей книги стал бы подзаголовок к первому рассказу, а сам рассказ открывал бы цикл.

¹⁹ И. В. Гоголь. Письмо к С. Т. Аксакову 20 сентября 1851//Полн. собр. соч. М. 1952. Т. XIV. С. 250.

²⁰ См. Н. А. Некрасов. Письмо И. С. Тургеневу от 28 окт. 1847 г. Т. 10. С. 84.

Следует оговориться, что цикл – это не случайное, механическое объединение разнородного материала под общим заглавием, а, как отмечает М. Н. Дарвин, «явление, проникнутое особой художественной концептуальностью», цикл активно выражает определенную точку зрения на мир, и его специфика «проявляется, в частности в том, что он способен удерживать в своих пределах самый разнородный материал, одновременно создавая впечатление его единства». ²¹ Несомненно, у этой жанровой формы – богатое прошлое в мировой литературе. Объединение нескольких рассказов фигурой повествователя имело устойчивые традиции и в русской литературе. Примечательны в этом смысле всякого рода путешествия, которых было немало к началу XIX века. ²²

Итак, цикл – это такая наджанровая форма, которая способна реализовываться в различных жанровых образованиях, создавая художественное целое. В цикле заложена идея круга, «воплощающего единство конечного и бесконечного». ²³ И потому концепцию Тургенева о постоянном круговороте, совершающемся в природе, о единстве и гармонии человека и природы наиболее адекватно мог выразить именно цикл. Кольцевая композиция «Записок охотника» способствует осуществлению замысла автора. В самом деле, тургеневский цикл открывается рассказом о двух вечных универсальных типах человека – творения природы, части мирового единства, человека как субстанции конечной в каждом своем конкретном воплощении. А замыкает композицию рассказ «Лес и степь» – гимн природе, выражающий идею бесконечности природы. Несмотря на то, что «Лес и степь» – один из ранних рассказов (1849), Тургенев во всех изданиях «Записок охотника» завершал именно им цикл.

Сюжетный репертуар «Записок охотника» Тургенева весьма разнообразен, и этому помогает мотив путешествия, позволяющий свободно рассказывать обо всем, что автор-охотник встречает на пути своем. Отсюда и жанровое разнообразие внутри цикла: очерки, сентиментальные истории, мистические микроновеллы, народные поверья, жития, сатирические зарисовки, лирические пейзажи, рассказы с драматической коллизией. Но что объединяет столь разнородный материал? «Структурообразующим фактором», по мнению С. Е. Шаталова, «является образ охотника-повествователя, воплощающий в себе единую точку зрения на разнородный жизненный материал», он (образ повествователя) – и д е о л о г и ч е с к а я с к р е п а ц и я

²¹ М. Н. Дарвин. Проблема цикла в изучении лирики. Кемерово 1983. С. 29, 30, 54.

²² См. Т. Роболл. Литература путешествий. // Русская проза. Л. 1926. С. 43.

²³ М. Н. Дарвин. Указ. соч. С. 54.

к л а »²⁴. Нельзя не согласиться с мнением исследователя о том, что фигура охотника-повествователя – это жанрообразующий стержень цикла, но вот положение об идеологической значимости этого образа вызывает сомнение.

Обратимся для сравнения к произведению Н. А. Некрасова «Тонкий человек», которое тот вслед за Тургеневым задумал как свой цикл «Записок охотника», решая в нем идеологические задачи. Одна из этих задач – полемика демократа Тростникова (воплощавшего черты и самого Некрасова) с Грачевым – утрированно упрощенным собирательным образом либерала (за которым угадываются черты П. В. Анненкова, Н. В. Станкевича, А. В. Дружинина, В. П. Боткина). Другая – изображение крестьянских типов, которых встречают путешествующие охотники на своем пути. Среди этих образов выделяется справедливый и мудрый управляющий Потанин, выражающий идею крестьянского счастья – идеальной крестьянской общины, в которой все держится правдой. Хотя Некрасов открыто ориентировался на «Записки охотника» Тургенева, о чем говорят и избранная им форма путешествия охотников, и созданная галерея крестьянских типов, и пародия на рассказ «Свидание», Некрасов в своем незаконченном произведении все же ставил и решал другие проблемы. Странствия охотников для него лишь формальный повод для развертывания повествования (позднее поэт использовал этот прием в поэме «Кому на Руси жить хорошо?»). Некрасову важна не точка зрения охотника-природоведа, философа на мир, ему важно столкнуть позиции либерала и демократа 50-х годов, их взгляды на крестьянский вопрос.

Именно глазами путешествующего охотника (и в этом коренное отличие от идеологизма Некрасова), ближе других стоящего к природе, воспринимается в «Записках охотника» Тургенева сельская жизнь, крестьяне и их хозяева-помещики, природа. Фигура охотника, скрепляющая разные по содержанию рассказы, отнюдь не бутафорская, это не игра автора с переодеванием. Вдохновенный охотник-поэт легко узнаваем: это сам Иван Сергеевич – чуткий и тонкий знаток природы, дворянин, сочувствующий народным нуждам, исследователь русского характера, ценитель народного таланта, красоты и простоты; ироничный к фальши, беспощадный к жестокости и самодурству. Охотничий костюм демократизировал дворянина, ломая социальные барьеры, позволяя барину зайти в крестьянский кабаk, заночевать в поле у костра или же в сарае на сеновале. От непосредственного контакта с природой и людьми рождались рассказы охотника.

²⁴ С. Е. Шаталов. Художественный мир Тургенева. М. 1979. С. 253. Выделено мной – М. О.

Концепция единства человека и природы – центральная в замысле Тургенева, ею держится цикл «Записки охотника».

Подводя итоги, отметим, что охотничий рассказ, тесно связанный с дворянским усадебным бытом, рожденный на «перекрестке» быта и культуры, был трансформирован Тургеневым и введен в 40–50-е годы XIX века в «большую» литературу. Тургенев «очистил» этот рассказ от практического, специального содержания и одухотворил философским, нравственным, социальным смыслом. Однако в 70-е годы охотничий рассказ начал претерпевать изменения даже в пределах тургеневского цикла («Конец Чертопханова»). Утратив былую созерцательность, гармоничность, он обогатился драматизмом сюжетного развития. Две тенденции повествования, воплотившиеся в произведениях С. Т. Аксакова и И. С. Тургенева – этнографический, природоведческий очерк и рассказ, нередко мало связанные с собственно охотой, но непременно сохраняющие образ повествователя-охотника, – эти две тенденции были подхвачены второстепенными, ныне забытыми писателями-охотниками.²⁵

25 Подробнее см. мою статью «Ружье и лира».

